

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Дословный перевод Д. С. Лихачева

Пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,
Игоря Святославича?
Пусть начнётся же песнь эта
по былям нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Ибо Боян вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времён усобицы.
Тогда напускал десять соколов
на стаю лебедей,
и какую лебедь настигали —
та первой и пела песнь
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю
пред полками касожскими,
прекрасному Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов
на стаю лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал,
а они уже сами князьям славу рокотали.
Начнём же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце своё мужествои,
исполнившись ратного духа,
навёл свои храбрые полки

на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел, что оно тьмою
воинов его прикрыло.
И сказал Игорь дружине своей:

«Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем плененным быть;
так сядем, братья,
на борзых коней
да посмотрим на синий Дон».

Страсть князю ум охватила,
и желание отведать Дон Великий
заслонило ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копьё преломить
на границе поля Половецкого,
с вами, русичи, хочу либо голову сложить,
либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы эти воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом под облаками,
свивая славу обеих половин этого времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.

Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть тогда песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок несутся
к Дону Великому».

Или так запел бы ты,
вещий Боян, Велесов внук:

«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новгороде,
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода.

И сказал ему буй тур Всеволод:

«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!

Оба мы Святославичи!

Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
уже оседланы у Курска.

А мои-то куряне опытные воины:

под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заграждало,
ночь стонами грозы птиц пробудила,
свист звериный поднялся,
встрепенулся Див, кличет на вершине дерева,
велит послушать земле неведомой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,

и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол.

А половцы непроторенными дорогам
помчались к Дону Великому.
Кричат телеги в полночи,
словно лебеди вспугнутые.

А Игорь к Дону войско ведёт!

Уже беду его подстерегают птицы
по дубравам,
волки грозу накликают
по оврагам,
орлы клёкотом зверей на кости зовут,
лисицы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла,
щекот соловьиный уснул,
говор галочий пробудился.
Русичи великие поля
чевлеными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото, и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами, и плащами, и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и топям,

и дорогими нарядами половецкими.
Червлёный стяг,
белая хоругвь,
червлёный бунчук,
серебряное древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон,
поганый половец!
Гзак бежит серым волком,
Кончак ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку
кровавые зори свет возвещают,
чёрные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
идти дождю стрелами с Дону Великого!
Тут копьям преломиться,
тут саблям побиться
о шеломы половецкие,
на реке Каяле,
у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоря.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,

стяги говорят:
половцы идут от Дона
и от моря
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Бьёшься ты впереди,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными.
Куда, тур, поскачешь,
своим золотым шлемом посвечивая, —
там лежат поганые головы половецкие.
Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калёными,
ярый тур Всеволод!
Что тому раны, братья, кто забыл честь и богатство,
и города Чернигова отчий золотой престол,
и своей милой жены, желанной прекрасной Глебовны,
свичаи и обычаи!

Были века Трояновы,
Минули годы Ярославовы,
были и войны Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани,
а звон тот же слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове.
А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела,
и на Канине зелёный саван постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.
С такой же Каялы и Святополк полелеял отца своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожьего внука,
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы меж собою деля,
а галки по-своему переговаривались,
собираясь полететь на поживу!

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы калёные,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыя булатные
в поле неизвестном
среди земли Половецкой.
Черна земля под копытами косями была посеяна,
и кровью полита;
горем взошли они на Русской земле!

Что мне шумит,
что мне звенит
издалёка рано перед зорями?
Игорь полки заворачивает:
жаль ему милого брата Всеволода.
Бились день,
бились другой,
на третий день к полудню пали стяги Игоревы!
Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,

а древо с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невесёлое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.

Встала обида в войсках Дажьбожьего внука,
вступила девой на землю Троянову,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона, плескаясь,
прогнала времена обилия.

Борьба князей с погаными прервалась,
ибо сказал брат брату:

«Это моё, и то моё же».

И стали князья про малое

«это великое» молвить

и сами на себя крамолу ковать,

а поганые со всех сторон

приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю!

А Игорева храброго войска не воскресить!

По нём кликнула Карна, и Желя

поскакала по Русской земле,

горе людям мыкая в пламенном роге.

Жёны русские восплакались, приговаривая:

«Уже нам своих милых лад

ни в мыслях помыслить,

ни думою сдумать,

ни глазами не повидать,

а золота и серебра и пуще того в руках не поддержать!»

И застонал, братья, Киев от горя,

а Чернигов от напастей.

Тоска разлилась по Русской земле,

печаль обильная потекла среди земли Русской.

А князья сами на себя крамолу ковали,

а поганые,

победами нарыскивая на Русскую землю,

сами брали дань по белке со двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
которое перед тем усыпил было отец их,
Святослав грозный великий киевский,
грозою своею,
прибил своими сильными полками
и булатными мечами;
пришёл на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
возмутил реки и озёра,
иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка из лукоморья,
из железных великих полков половецких,
словно вихрем исторг,
и пал Кобяк в городе Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы, реки половецкой,
русское золото просыпав.
Тут Игорь князь пересел из золотого седла
в седло рабское.
Приуныли у городов забрали,
и веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, —
говорил, —
чёрным саваном
на кровати тисовой,
черпали мне синее вино,

с горем смешанное,
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моём тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесньска на лугу,
были в дебри Кисаней
и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило.
Вот слетели два сокола
с отчего золотого престола
добыть города Тмутороканя
либо испить шлемом Дона.
Уже соколам крылья подсекли
саблями поганых,
а самих опутали в путы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли
и в море погрузились,
и с ними оба молодых месяца,
Олег и Святослав,
тьмою заволоклись.
На реке на Каяле тьма свет прикрыла:
по Русской земле рассыпались половцы,
точно выводок гепардов,
и великое ликование
пробудили в хиновах.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие по свободе;
уже бросился Див на землю.
Вот уже готские красные девы

запели на берегу синего моря,
звеня русским золотом:
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:

«О дети мои, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.

Но без чести для себя вы одолели,
без чести для себя кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в отваге закалены.

Что же сотворили вы моей серебряной седине?

А уж не вижу власти
сильного, и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами, и с татранами,
и с шельбирами, и с топчаками,
и с ревугами, и с ольберами.

Они ведь без щитов, с засапожными ножами,
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.

Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим».

А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Если сокол в линьке бывает,
то высоко птиц взбивает,

не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло — князья мне не подмога:
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Не думаешь ли ты прилететь издалека
отчий золотой престол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногате,
а раб по резане.
Ты ведь можешь посуху
живыми шереширами стрелять —
удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
злачёными шлемами в крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
ранены саблями калёными,
на поле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотое стремя
за обиду нашего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоря,
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь
на своём златокованом престоле,
подпёр горы Венгерские
своими железными полками,

заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча бремена через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отцовского золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечёт ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу в смелости одолеть.
Ведь у ваших воинов железные подвязи
под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
и могие страны —
Хинова,
Литва,
Ятвяги,
Деремела,
и половцы копьё свои повергли
и головы свои склонили
под те мечи булатные.
Но уже, о князь Игорь, померк солнца свет,
а дерево не к добру листву сронило:
по Роси и по Суле города поделили.
А Игорева храброго войска не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовёт князей на победу,
Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань...

Ингвар и Всеволод,
и все три Мстиславича —
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
добыли себе владения!
Где же ваши золотые шлемы
и копья польские
и щиты?
Загородите поля ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течёт серебряными струями
к городу Переяславлю,
и Двина болотом течёт
для тех грозных полочан
под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлёными щитами
на кровавой траве
литовскими мечами прибит
со своим любимцем,
а тот сказал:
«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.
Так в одиночестве изронил жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.

Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Уже склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи свои повреждённые,
ибо лишились мы славы дедов.
Своими крамолами
начали вы наводить поганых
на землю Русскую,
на достояние Всеслава.
Из-за усобиц ведь пошло насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Хитростью оперся на коней
и скакнул к городу Киеву,
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Отскочил от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл удачу:
в три попытки отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.

А Немиге снопы стелют из голов,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
не добром были засеяны,
засеяны костьми русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал:
из Киева до петухов дорыскивал до Тмуторокани,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа была у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещей Боян
ещё давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле,
вспоминая
первые времена и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить горам киевским;
а ныне встали стяги Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
но врозь их знамёна развеваются.
Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
«Полечу, говорит, — кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:

«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе бы под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано!»

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полночи;
идут смерчи тучами.
Игорю князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую, к отчему золотому столу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит

от великого Дону до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь: не быть Игорю в плену.
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
Оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О Князь Игорь!
Немало тебе величия, а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия!»
Игорь говорит:
«О Донец! Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядями на ветрах».

Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской земле приклонились.

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке,
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
То опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Коли опутаем его красною девицей,
не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы

старого времени Ярослава,
и Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда и телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь князь в Русской земле.
Девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:
«Слава Игорю Святославичу,
Буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Здравы будьте, князья и дружина,
Борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.